

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 5—6

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Во многих случаях китайское происхождение приписывается корейским и монгольским словам напрасно: так, напр., монг. *ноууан* 'зеленый' с китайским *lǜ* не имеет ничего общего. Многие монгольские и тюркские слова автор транскрибирует неправильно: так, напр., вместо тюрк. *purqan* 'будда' следует *burqan* (стр. 596), вместо монг. *ildar* 'случай' (стр. 590) следует *ilder* и т. д.

За вводной частью следует словарь китайских заимствований в манчжурском языке. Чтобы его оценить по заслугам и отметить с другой стороны недочеты, необходимо основательное знакомство с китайским языком. Не претендуя на это, мы можем лишь заметить, что собранный материал чрезвычайно богат и в большинстве случаев возбуждает полное доверие.

В общем, несмотря на ряд более или менее крупных недочетов, работу проф. Schmidt'a можно лишь приветствовать. Область, которой он посвятил свое внимание, настолько еще мало разработана, что отдельные промахи, даже крупные, совершенно неизбежны.

В заключение укажем, что работа эта является весьма актуальной. Теперь, когда в Манчжурии происходят очень крупные события и страна эта оказывается отделенной от прочего Китая, очень интересным является проследить на фактах языка, насколько Манчжурия действительно органически никак не сослася с остальным Китаем. Факты языкознания в данном случае подтверждают обратное и являются еще одним лишним доказательством того, что связи эти гораздо более глубокие, чем это часто утверждают.

Н. Понне.

Ligeti, Louis. Rapport préliminaire d'un voyage d'exploration fait en Mongolie Chinoise 1928—1931. Publié par la Société Kőrösi-Csoma. Budapest, 1933, 64 p. en 8°.

Путешествия с целью изучения монгольского языка и памятников литературы и истории монголов еще недавно принадлежали в Европе к редким явлениям. Отчет д-ра Ligeti о путешествии, совершенном им в течение 1928—1931 гг., наряду с работами других лиц, свидетельствует о том, что западно-европейское монголоведение сдвинулось с мертвой точки, и работы эти сразу восполнили целый ряд пробелов, существовавших не только в западноевропейском, но и советском монголоведении.

Автор интересующего нас отчета посетил наиболее недоступные, а потому и особенно интересные места. О Внутренней Монголии мы мало знаем. За истекший период своей истории монголоведение преимущественно занималось изучением Внешней Монголии, Бурятии и Калмыкии. Лишь изредка и случайно удавалось ставить исследования в других областях монгольского мира. С д-ром Ligeti можно отчасти согласиться, когда он говорит, что создается впечатление, будто монголоведение избегало всего того, что лежало за пределами основных районов исследований, и когда он с полным правом выступает против такой точки зрения на задачи монголоведения (стр. 7). Такая точка зрения действительно заслужила бы самого резкого осуждения. Впрочем, нужно заметить, наше монголоведение никогда не отмежевывалось сознательно от изучения Внутренней Монголии. Правда, оно вполне сознательно ограничивалось на первых порах изучением Внешней Монголии, Бурятии и Калмыкии, поскольку последние всегда были гораздо более доступными для него и поскольку нужно

было предварительно создать какую-то основу, чтобы впоследствии двигаться дальше. И можно лишь еще раз выразить глубокое сожаление по поводу того, что неизмеримо обострившееся положение в Китае уже в течение ряда лет мешает осуществлению задачи всестороннего изучения того мало нам известного угла монгольского мира, который раньше не изучался отчасти по той причине, что тогда еще не было надежной базы у научного монголоведения, созданной лишь в течение последних десяти-пятнадцати лет.

Д-р Ligeti объездил за время своего путешествия значительную часть областей Внутренней Монголии. Из Бэйпина он через Калган и Да-тун-фу достиг Куку-хото, посетив также в другую сторону Долон-нор, монастырь Харчин Ван'а.

Таким образом он смог изучать чахар, харачин, оннютов, тумутов и т. д. Дальше Куку-хото он не проник: этому помешали бурные события, разыгравшиеся к моменту его приезда. В окрестностях города шли сражения и действовал бандитизм. Все эти обстоятельства не только нарушили обычную жизнь города и его окрестностей, но отразились также губительно на старых памятниках. Большинство храмов было разрушено и множество ценных памятников старины безвозвратно погибло. В городе свирепствовали голод и болезни. Д-р Ligeti описывает жуткие и характерные картины продажи голодающими своих жен и детей, причем этого рода купли-продажи юридически оформлялись местным ду-тун'ом (стр. 9).

Отказавшись от мысли ехать дальше, автор отчета перенес свои исследования в другие области и посетил впоследствии Баргу, объездив значительную часть баргутских стойбищ и дагурских дере-

вень от Хайлара до Цицкара и Мэргэн'а. Правда и там было не совсем спокойно, поскольку там орудовали русские белобандиты, являющиеся истинным бичом тех мест, что подтверждает своим отчетом д-р Ligeti (стр. 12).

Путешествие оказалось чрезвычайно успешным во всех отношениях. Прежде всего автору отчета удалось собрать чрезвычайно интересный материал по дагурскому языку, сильно дополняющий и уточняющий наши данные по нему. Попав в среду дагуров различных местностей, д-р Ligeti установил между прочим, что только бутхайский говор утратил начальный х, соответствующий h монгольских языков XIII и XIV ст., и что во всех прочих говорах его он сохранился. Изучив ряд языков Внутренней Монголии, автор правильно устанавливает, что во Внутренней Монголии распространен не единый язык, но множество их и притом в различной степени отличающихся друг от друга. Вместе с тем он указывает, что «Материалы по говорам Восточной Монголии» А. Д. Руднева являются чрезвычайно ненадежными и в этом он прав: Руднев не различает не только о и ъ но также и ъ и и, а также спутал долгие и краткие гласные. Многие из наблюдений д-ра Ligeti подтверждают наши наблюдения. Можно лишь еще раз выразить сожаление, что результаты наших экспедиций все еще не опубликованы и что отставание темпов печатания от наших исследований могут создать впечатление, будто мы сознательно уклоняемся от изучения языков Внутренней Монголии.

Что касается харачинских материалов, собранных д-ром Ligeti, то они проливают много нового света на этот язык. Некоторые сомнения вызывает у нас неразличение в его записях о и ъ (ср. sō 'садись!', но sū 'подмышкой') и нераз-

личение \check{c} и \check{c} ($\sim t$), \check{z} и \check{z} ($\sim d$), ср. *čadā* 'мочь', но *čas* ($\sim t'as$) 'снег' и т. д. (стр. 41).

Д-р Ligeti собрал также богатый материал в виде пособий для изучения живого языка (с китайским и манчжурским переводами), составленных школами переводчиков (стр. 35—37). Путешествие показало, что в наших представлениях о расселении внутренних монголов царит некоторый хаос. Поэтому автор отчета поместил на стр. 14—15 очень полезную схему деления Внутренней Монголии.

Очень много интересных наблюдений сделал д-р Ligeti и над современной издательской деятельностью и упоминает ряд книг, которых у нас нет. Не побывав в Монгольской народной республике, автор отчета, повидимому, смутно представляет себе ее. Так, напр., он всегда называет ее Монгольской советской республикой. Также неполны его сведения об издательской деятельности в МНР. Так, напр., упоминаемая им книжка «*Činggis boγda-yin durasqal-un tegübüri*» была действительно издана Монгольским ученым комитетом, в чем автор отчета как будто сомневается (стр. 25). Книжка эта издана в 1923 г. и имеется у нас, как реально существует и другое издание, вышедшее уже в Пекине, а именно монгольский текст Алтан Тобчи (см. Ligeti, стр. 24).

Ряд интересных рукописей, как, напр., старая рукопись *Рагсаракṣā*, перевод Ширав Сенге, является ценным вкладом в европейские книгохранилища. У нас они, правда, уже имеются. По этому поводу опять уместно выразить сожаление, что нами до сих пор не опубликованы наши каталоги. В Европе находку таких рукописей считают крупным открытием, между тем как они уже давно известны, но сведения о них лежат под спудом.

Автор отчета за время своего путешествия основательно познакомился и с письменным монгольским языком.

Некоторые мелкие погрешности в нем обращают на себя, однако, внимание. Так, напр., слово *adaγatan-i* нужно транскрибировать *ataγatan-i* 'зависливых' 'зловных' (стр. 28), вместо *tügürikken* нужно *tögürigken* 'кругленький', вместо *qoladγaγu* — *qoladqaju* 'удаляя' и т. д. (там же). Дело в том, что в южномонгольских рукописях и изданиях часто ставят точки и при *q*. Ничего удивительного не представляет собою и написание типа *kiji* 'делая', *jiqa* 'край' и т. д. (см. стр. 38).

Чтобы кончить, укажем еще на ценные сведения по археологии (стр. 29 и сл.) и на интересные указания на места хранения печатного ганджура и ряда томов монгольского денджура, которых у нас нет. Великолепные фотографии и хороший внешний вид издания отчета сильно повышают благоприятное впечатление от книги.

Нужно признать, что путешествие д-ра Ligeti чрезвычайно богато результатами и значительно обогащает наши сведения. В качестве общего замечания укажем, что вообще об экспедициях можно судить лишь по печатной продукции их участников. Интересный отчет д-ра Ligeti свидетельствует о том, что экспедиция была проведена с большим умением.

Н. Понте.

Mostaert, A. et de Smedt, A. *Le dialecte Monguor parlé par les Mongols du Kansu Occidental*. Anthropos, Tome XXV, 1930.

Mostaert, Antoine. *The Mongols of Kansu and their language*. Bulletin No 8, Dec. 1931, of the Catholic University of Peking.

За последнее время нам приходилось неоднократно отмечать значительное по-